

“Великое противостояние” Цзинь Цаньжуна

Исследование действительного политического процесса в Китае подтверждает классовое содержание *империалистической демократии* как централизации плюрализма волею фракций крупного капитала. Однако в рамках китайской политической оболочки она осуществляется в основном посредством *однопартийного плюрализма*, то есть механизма, при котором ключевые связи между буржуазными фракциями, укоренёнными в крупных региональных зонах и наиболее интернационализированных экономических группах, и их политическими течениями выражаются внутри одной партии-государства.

Если отбросить одноцветное изображение, на котором настаивают – из соображений выгоды, а иногда и из-за интеллектуальной лениности – старые державы, преследуя цели своих политических кампаний, то в китайских дебатах можно проследить в том числе различные линии во внешней политике, исходящие из провинций и крупнейших центров мысли. Достаточно регулярно следить за “СМИ-рупорами”, чтобы заметить самые различные склонности основных комментаторов – азиатистские, пророссийские, проамериканские, проевропейские и т. д. – и начать систематический анализ *мозговых центров*, сопровождая его разбором их книг.

Дилеммы континентальных оболочек

Фань Юнпэн, вице-президент Института Китая в Университете Фудань (Шанхай), центре разработки идей китайской исключительности, пишет о *противоречии между размером и порядком* в державах континентального масштаба: Китае, Америке и Европе. Множественность интересов и внутренние конфликты увеличивают сложность политической централизации, следовательно, *«одним из наиболее значительных испытаний для любой крупной системы»* становятся *«примирение»* интересов и *«борьба»* за встраивание внутренних конфликтов в общий консенсус.

Согласно обычаю, автор вспоминает объединение Китая в I тысячелетии до н. э. и проводит параллели между традиционными династиями и ролью КПК. Даже *«великое объединение»*, совершённое партией, само по себе не будет достаточным, чтобы установить *«равновесие между размером и порядком»*, если она не будет *«периодически»* утверждать себя в качестве *«партии общих интересов»*. Эта *«дилемма»* между строгостью централизации и риском хаотичного замедления, *«с которой столкнулись все политические системы больших размеров»*, такие как *«федеральная»* система США, *«наднациональная»* система ЕС и Китая в его единстве, никогда не была полностью решена.

Столкновение с США и ЕС предполагает конкуренцию надстроек: с одной стороны, речь идёт о степени эффективности централизации плюрализма в китайской политической оболочке. Достаточно подумать о политических законах континентальных надстроек в отношениях между центром и местными властями и в диалектике между размерами и временем политического метаболизма. С другой стороны, в китайской истории это не может не напоминать способность каждой державы влиять на процесс: когда молодой китайский капитализм оказался ими пересечён, *«равновесие между размером и порядком»* оказалось в кризисе; теперь империалистически созревший Китай сам может влиять на внешний мир.

Именно это становится конкретным анализом и сопоставлением политических курсов действий в изложенной нами дискуссии между пекинской, шанхайской и шэньчжэньской “школами мысли”, в точной оценке американского проникновения в европейский политический процесс и в рассмотрении китайских возможностей влияния в Европе и США.

Китайский новый политический цикл

Цзинь Цаньжун, патриарх китайского реализма из Китайского народного университета в Пекине, наблюдает открытие эры *«великого противостояния»* между державами на рубеже старого и нового мировых порядков. Речь не просто о поствоенном порядке, поставленном под сомнение относительным американским упадком, а о самих концепциях мирового порядка, разработанных в XVI веке под влиянием Великих географических открытий и *«главенства ресурсов»* в долгосрочной перспективе: хотя мировой экономический барьер сместился в сторону Тихого океана, порядок оставался *западным* по сути. В этом

смысле под “Западом” можно понимать систему государств, состоящую из «Тройки великих» (Соединённые Штаты, Европа и Япония) и «Пятёрки малых» государств (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Израиль и Южная Корея). В «новой эре великого противостояния» действие этих аспектов подходит «к концу» в условиях неожиданного изменения экономических соотношений, политических представлений и внутреннего единства в тех же западных странах.

Таким образом, на то, что и в Китае политический цикл, продолжающийся от «реформ и открытости» Дэн Сяопина до «гармоничного общества» Ху Цзиньтао, исчерпан, указывают два наблюдения: «Эра глобализации последних 40 лет подошла к концу»; «гармонии между великими державами, которую мы наблюдали последние десятилетия, больше нет, и сегодня отношения сдвинулись от экономического соревнования к секьюритарному, гораздо более суровому». С точки зрения отношений Китая с экономическим циклом, «ключ» заключается во «внутренней циркуляции», потому что условия «сильного предложения и слабого спроса», сложившиеся в результате восхождения последних десятилетий, сделали Пекин «зависимым от международного рынка». От этой внешней связи не отказываются, но предлагают балансировать её весом внутреннего рынка. Вследствие этого появляются линии за расширение социального обеспечения, за закрепление права граждан с сельской хукоу жить в городах и даже за увеличение зарплат в Гуандуне и Чжэцзяне – пилотных провинциях китайского социал-империализма.

Что касается стратегической стороны этого отношения с мировым рынком, Цзинь обращается к теоретизированиям Чжан Вэйвэя: Китай является «цивилизованной страной» с населением и историческим “постоянством” континентального масштаба, что позволяет ему встать в один ряд с “Великими”. В остальном тезисы «мэтра Чжана», патриарха китайской исключительности из Университета Фудань, уже включены в число «пяти модернизаций» XX съезда КПК, отмеченных «огромным населением, общим процветанием, духовной цивилизацией, гармонией между человеком и природой и мирным развитием» (Greater Bay Area, 14 августа).

Мировой порядок проходит испытание в МВФ

Что касается отношений с США, Цзинь считает, что Штаты решили «исключить Китай из мирового порядка, лидером которого они являются». Ему возражает Чжэн Юннэнь, теоретик «инклюзивной многосторонности» и «федерализма де-факто» из Китайского университета Гонконга в Шэньчжэне. Он пишет, что «Соединённые Штаты не могут поддерживать порядок без Китая, а Китай не может установить новый без Соединённых Штатов». Заметим, что ключевым испытанием станет партия, разворачивающаяся в МВФ, где американское представительство блокирует пересмотр прав голоса, о котором просят страны БРИКС. По мнению *Financial Times*, это «лакмусовая бумажка будущего порядка, возглавляемого Штатами».

По словам Цзинь Цаньжуна, США «развязали новую холодную войну против Китая, используя давление по всем направлениям без исключения, в том числе военные приготовления. Мы тоже готовимся с вниманием». Чжэн Юннэнь больше указывает на способность повлиять на американские течения, однако наблюдает «гонку вооружений». По мнению Цзиня, эти течения американского реализма в меньшинстве, но важно, что США были вынуждены ослабить риторику «декаплинга», то есть экономического отделения от Китая, встретившись с возражениями со стороны Европы. Отношения с ЕС являются «ключевой переменной в споре между Китаем и США».

Китайская и американская партии в Европе

Как пишет Цзинь Цаньжун, позиция ЕС становится «всё более важной», потому что если он сохранит «некоторый нейтралитет» в отношении США, то «новая холодная война не сможет разразиться». Речь идёт о «ключевом» вопросе в новом «великом противостоянии» за переопределение мирового порядка: «В некотором смысле именно Европа определит, окажутся ли Китай, США и Россия по итогам новой холодной войны в кризисе или в состоянии относительного мира». С другой стороны, «ЕС находится в очень сложной ситуации» с точки зрения собственного стратегического размера и возможностей влиять на ход противостояния. Евросоюз «не един», а «США слишком сильно проникают», оказывая

влияние на его внутренний политический процесс. Прежде всего, страны Старушки Европы *«должны бы иметь инстинкт поддерживать собственную независимость, однако действительно сложно сказать, будут ли они на это способны»*.

Речь идёт о двойственной ситуации, хорошо описанной в реалистической трактовке европейского процесса и его противоречий. Здесь можно различить вопрос, который задавал Гельмут Шмидт в своих размышлениях о Китае (Schmidt H., *“Nachbar China”*, 2006): получится ли у ЕС сдержать Америку в её противостоянии с Драконом? Однако саму эту гипотезу надо будет обновлять, покуда ЕС и ключевые области рейнской оси затронуты китайским империалистическим восхождением на мировых и европейских рынках.

Шанхай и Берлин

Чжан Вэйвэй более пессимистичен в отношении европейского процесса, но более оптимистичен в плане возможностей на него повлиять. В отличие от Китая и России ЕС является *«разбитой тарелкой»* сложной композиции; как политическому *«организму»* Евросоюзу *«не хватает власти»* над государствами-членами; сами правительство и предпринимательское сообщество разделены по поводу того, принять ли более европейскую линию или линию с большим американским влиянием. Пекин поддерживает автономию ЕС, но в качестве запасного варианта развивает отношения с отдельными наиболее *“европеистскими”* державами и крупными группами, наиболее пострадавшими от американских промышленных политик.

Шанхай – это привилегированный наблюдательный пункт: Чжан пишет, что туда в больших количествах приходят немецкие капиталы; в августе Китай принял меры из *«24-х пунктов»*, чтобы привлечь их и указать им *«путь выхода»* из дебрей соревнований в энергетике и добыче сырья в Европе; Дракон может *«принять многие из этих фирм»*, часть из которых *«даже утверждала, что если правительство не позволит им выйти на рынок Поднебесной, то они зарегистрируются не в Германии, а в Китае»*. В политическом плане, заключает Чжан, *«границы для манёвра широки»*. С ним соглашается Чжэн Юннань, приглашая Шанхай *«возглавить китайскую модернизацию»* в направлении открытия супер-провинции на реке Янцзы: отношения между *«экономическими системами мирового уровня, сильно интегрированными на региональном уровне, являются ключом [...] в крупных развивающихся странах»*.

Наконец, также и по мнению Ван Хуэйяо и Мяо Лу, основателей Центра изучения Китая и глобализации (CCG), ЕС мог бы играть роль *«баланса»*. Тем не менее не ясны остаются два фактора. Немецкому правительству понадобился год, чтобы достичь консенсуса по своему документу по вопросу стратегии в отношении Китая, и это приводит в недоумение: *«необходимо наблюдать дальше»*. *«Сомнения»* ЕС по поводу своей автономии отражают также вес, приобретённый Восточной Европой за счёт атлантической тяги, вызванный войной на Украине. Европейский процесс находится под наблюдением.

Октябрь 2023 г.